

ифической «логистики описания» как (кого-то) *смысло/Лично* «(от)бывшего», так и тех людей, которые (опосредованно) призываются к миссии осуществления своего (отреагировавшего) «предназначения».

На наш взгляд, сформулированным выше «условиям и без-условностям», соответствует такая версия «некрологосной речи», как *эпитафия*, которая многообразно и многообразно выговаривает не только эмоциональные отношения близких к почившему в бозе родственнику, но и способна афористически замахнуться на «философские высоты» сентенций о человеческой участи, ретроспекций свершившейся судьбы, пропасти смысложизненных неудач и бумерангов «утраченного Времени». В отличие от «некролога» или охмелевших застольных «поминальных суесловий», *эпитафия* – это образно «кристаллизованная (с)мысль». Она не растекается по древу прозы «лишних слов», но, напротив, мировоззренчески «трезво и отрезвляюще» целит не в око(ло)личности частных и биографических «происшествий», а в сердце(вину) человеческих замыслов и их (возможно) «провинившихся» итогов, перефокусирует «оптику обывательского взгляда» в направлении «философии жизни» свершившихся (или не свершившихся) ценностных ориентаций.

Говоря об эпитафиях, мы, прежде всего, имеем в виду особый «жанр ритуальной лексики», который *опредмечивается* не только в пафосе кладбищенских надгробий, но и накапливается в «запасниках человеческой чуткости», в виде «пропедевтических посланий» и(ли) нелицеприятных атак на нашу «дремлющую» самобытность. То есть, эпитафные нарративы не обязательно создаются «под заказ» конкретных «случаев» человеческих утрат, но могут быть «усмотрены» и в (уже) наличествующих «языковых текстах» разной (жанровой) природы, востребованы из них в качестве «глубоко(с)мысленных цитат» и, наконец, «плагиатно продублированы» в траурных послесловиях чьих-то индивидуальных вселенных. Например, всем известно произведение Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол», которому предпослан *эпиграф* (из Джона Дина) с явно эпитафным уклоном, гласящий о том, что «...смерть каждого Человека умалет и меня, ибо я один со всем Человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по тебе».

Эпитафия (чаще всего и, как правило) свидетельствует (как бы) «от лица (ещё) живых», в форме посвящения ушедшему (*смысло/человеку*) или завещания грядущему. Она балансирует на грани «никто не забыт и ничто не забыто». И одновременно смещает акценты нашего восприятия от не забвений (узко) личных реверансов в плоскость глубинных осознаний смысложизненных амплитуд. Смерть и смертность (как её «философская» ипостась) диагностируют в эпитафиях и любовь к ближнему, и его (или наш) жизненный масштаб, и косноязычия клишированных констатаций («помним, любим, скорбим»), и прозрения растревоженной совести, и эстетику благодарности («Ты – лик Добра, Моё благоговенье! Ты – всяческая щедрость! Ты – одна, всех совершенств душевных совмещенье»), и огорчения от личностных поражений чьих-то («о)ничтоженных» *Временем* человеческих персонажей.

В этой связи, вспоминается одна эпитафия, (безымянный) автор которой растворился в анналах (античной) Истории, но успел, полагаем мы, преподать (и «кому-то лично известному», и «всем безвестным Нам») горький урок «философского похмелья». Эпитафия (на надгробьи) гласила: «Он прожил сто лет, но умер, едва родившись». Текст этого посмертного «страшного суда *Времени* и *потомков*» явно парадоксален и трагически безысходен. Перед (всеми) Нами «бытийное, обнулённое бытовым», жизнь, растроченная «впустую», прожитая зря, самоубийственно мёртворождённая. Перед (всеми) Нами «*Личностное отсутствие*» в *кажимостях* «личного присутствия», календарность фактической длительности-длительности в зеркале (по сути) «горгоны бессмысленности»... Недо(у)род человеческого бытия... Что-то (трансисторически) подобное (эпитафно) проглядывает (и) у Владимира Высоцкого в его «*Треванном полёте*» (с нашими, слегка субъективными, герменевтическими «выдержками – В.К.): «Он начал робко с ноты до, / Но не допел её, не до... / Не дозвучал его аккорд / И никого не вдохновил... / Он знать хотел всё от и до, / Но не добрался он, не до... / Ни до догадки, ни до дна, / Не докопался до глубин... / Осталось недорешено / Всё то, что он не дорешил...» В общем, финиш (уже) на... старте...

УДК 1 + 008

ТАНАТО(С)ЛОГОСНЫЕ ПРАКТИКИ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

Костенич Владимир Анатольевич
доцент кафедры философии учреждения образования
«Могилевский государственный университет
имени А.А. Кулешова»;
кандидат философских наук, доцент
(г. Могилев, Беларусь)

В статье рассматриваются отдельные вопросы дидактического преломления в нишах гуманитарного познания культурно-исторических традиций некрологосной феноменологии «эпитафий», как особой духовной практики «быто-философских начинаний смысла» и мировоззренческого самоопределения человеческой Личности в жизненных временностях бытия пред ликом неумолимой Вечности.

В процессе преподавания философских дисциплин одной из самых сложных и нетривиальных дидактических проблем оказывается поиск «иллюстраций-примеров» из «вне философских практик говорения», которые являлись бы духовно-практическими «высказываниями» смысложизненных драм человеческого бытия, параллельных и дополнительных рафинированному профессиональному языку самой философии. «Логосу категорий» необходимы «бытовые (образные) аналоги(и)» из «логосов *Сущего*», свидетельствующие об имманентности философского умозрения самой «повседневности» и предъявляющие её земные мудрости-мудрствования душе и откровениям «обывателя». Иначе говоря, в контекстах культурно-исторических «бываний» человеческой экзистенции, следует рефлексивно объективировать такие «предельности бытия», которые наделены мировоззренческой рецептивностью, претендуют на всеобщность своего присутствия в жизнедеятельности людей и стихийно артикулируют «запрос» на мыслеобразную экспликацию смысловых недр нашего «текущего» (или истекающе/истекшего) существования. Подобные «философемы» должны быть (по определению) укоренены в риторике «общечеловечески повсеместных» квалификаций «переломных событий» человеческого существования и выступать в качестве спец-

Правда, справедливости ради, следует признать, что порой (трагикомиическое) вторжение «спортивных ассоциаций» в святая святых эпитафных литургий, способно привнести в сакральные стенания памяествующих чувств атональности чёрного юмора, за(зубо)скалить человеческие печали и мировоззренческие интенции прагматическими «очевидностями»; трансформировать и... породнить посмертное и утилитарное, тоскующее и... «тостующее». Мы имеем ввиду «эпитафии» следующего посыла: «Каждый человек стремится в Жизни стартовать Первым, а финишировать Последним! Аминь!». Подобные ценностные ни(з)спадения смысложизненных установок весьма (философски) показательны и придают дополнительный импульс анализу «жизненной щепетильности» наших этикетных (эпитафных) словопрений, напоминая об аксиоматике вежливости и такта в отношении «навсегда отсутствующих». Точнее говоря, лишь при условии «автореферентного перевода» эпитафных речитативов в плоскость доброкачественности наших собственных «ориентиров на местности Жизни», мы получаем этическое и вербальное право «обсуждать и осуждать» перипетию жизненной казуистики «от первого лица» и по всей строгости саморазоблачительной и исповедальной искренности.

Особенно индикативно и мировоззренчески в(ы)зывающе выглядят эпитафные слово(с)плетения, изречённые и извлечённые нашей собственной «Явностью», из (смысло)вибраций танатосных «ущербов бытия», смертоносно разбередивших Наши души апокалиптическими волнениями жизнестроительного хаоса. Как бы (со)общаясь с собой и с Другими из зоны пред(рас)положенной Вечности (ср. Пастернак «Он Вечности заложник, у Времени в плену»); забегая вперёд в горькую мудрость (прижизненно-посмертной!?) прозревшей слепоты; хронотопно-туннельно проникая в «оценочные инстанции» абсолютных вердиктов, «*homo sapiens эпитафный*» преодолевает «земное притяжение» своей, озабоченной (простым и рутинным) *благополучием* жизни, обнаруживает и словесно обналичивает те смысловые измерения повседневногo существования, которые ускользали от его «бытового взора» и по касательной соскальзывали в бездны меркантильных капитуляций: «Тайна звёзд – притяжение. / Тайна земли – слои камня. / Тайна почвы – её плодородье. / Тайна семени – его прорастание. / Тайна мужчины – он сеятель. / Тайна женщины – она почва. / Моя тайна – холмик, под ним ничего не найдёте» [1, с. 85].

Отсюда же и кричащая полярность эпитафных смятений-метаний от гедонистических гимнов «принципам наслаждения»: «Пей вино, пока оно сладкое. / Познай восторги тела и духа – / Ты умрёшь, так умри живым, / В глубинах лазури и упоения / Целуя царицу улья – Жизнь» [1, с. 109], до грустных сетований на возможности хронических опозданий воли к осмысленной жизни: «...мне предлагали любовь, но я опасался разочарованья. / Печаль стучалась ко мне, я боялся открыть ей дверь; / Честолюбие зывало ко мне, я же страшился риска. / И всё это время я искал в моей жизни смысл. / В поисках смысла жизни можно сойти с ума, / Но жизнь без смысла – / проклятье беспокойства и смутных желаний: / Лодка мечтает о море, но в море страшно» [1, с. 54]. Диалектика эпитафных «разночтений» метафорично маркирует палитру человеческих автокоммуникаций, свидетельствуя о внутренних «аннигиляциях» самостной монолитности, о дефиците добродетелей мужества и любви к собственной уникальности: «Одни из вас считали меня добрым, / Другие – злым. / Но погубила меня ни та, ни другая половина, / Но распад половин, / Так и не ставших целым...» [1, с. 136].

Эпитафия – это мысль, приглашающая человека, прежде чем переделывать Мир и Других, (философски) застрять (навсегда) в фокусе ответственного ответствования на вопрос Понтия Пилата: «Что есть Истина?» Прервёмся на нескольких «ответах», (навскидку) позаимствованных у провидцев из нашего исторического прошлого. «Время – великий учитель, но, к сожалению, оно убивает своих учеников» (Г. Берлиоз). «Жизнь есть сочетание мёда и желчи» (Апулей). «Жить – значит непрерывно рождаться» (М. Жуандо). «Понимать, что справедливо, чувствовать, что прекрасно, желать, что хорошо, – вот цель разумной жизни (А. Платен). [2, с. 7, 11, 13. 76]. Доверимся их мудрости «оттуда»... *Дождёмся себя «здесь»*...

Список использованной литературы

1. Мастерс, Э.-Л. Антология Спун-Ривер; Новый Спун-Ривер / Э.-Л. Мастерс. – М.: Худож. лит., 1990. – 415 с.
2. Жемчужины мысли / сост. А.А. Жадан. – Мн.: Беларусь, 1987. – 432 с.